

Как это делалось в Париже: Фредрик Джеймисон и его взгляд на послевоенную французскую теорию

КОНСТАНТИН
МИТРОШЕНКОВ

The Years of Theory: Postwar French Thought to the Present

FREDRIC JAMESON

London; New York: Verso, 2024. – 480 p.

Если я расскажу (или напишу) о только что происшедшем со мною самом событии, я как рассказывающий (или пишущий) об этом событии нахожусь уже вне того времени-пространства, в котором это событие совершалось.

Михаил Бахтин. «Формы времени и хронотопа в романе» (1937–1938)¹.

1

Пока книга «Годы теории» готовилась к печати, стало известно о смерти Фредрика Джеймисона: американский философ и теоретик культуры скончался 22 сентября 2024 года в возрасте 90 лет. Курс лекций о французской теории стал последней, законченной при жизни работой и теперь будет неизбежно восприниматься как интеллектуальное завещание, хотя и не задумывался в таком качестве. Поэтому, следуя завету самого Джеймисона «всегда историзировать», кажется правильным начать рецензию с разговора о том, при каких обстоятельствах был создан текст, опубликованный несколько месяцев назад в издательстве «Verso».

В весенний семестр 2021 года Джеймисон прочитал в Университете Дьюка (США, Северная Каролина) курс по французской теории. Он уже неоднократно преподавал этот материал студентам, но не в таких обстоятельствах: из-за пандемии коронавируса университетские кампусы были закрыты, поэтому Джеймисону пришлось вести занятия удаленно, преодолевая сопротивление техники. Как он пошутил в начале одного из занятий, в новой реальности лекции начинаются не с традици-

Константин
Александрович
Митрошенков (р. 1997) –
аспирант Колумбийского
университета.

¹ Бахтин М.М. *Собрание сочинений*. Т. 3: *Теория романа*. М.: Языки славянских культур, 2012. С. 502.

онного «Доброе утро!», а с растерянного вопроса профессора «Вы меня слышите?» (р. 133)². В этом смысле «Годы теории» – это не только финальная точка в интеллектуальной биографии Джеймисона, но еще и документ недавно завершившейся эпохи локдаунов и самоизоляции.

Обстоятельства создания заметно повлияли на стиль текста. Джеймисон, известный своим витиеватым письмом, предстает в этих лекциях по-демократичному прямолинейным и, как заметил Терри Иглтон, открытым по отношению к аудитории мыслителем³. Он доступным языком излагает сложные для студентов концепции вроде диалектики раба и господина или стадии зеркала, много шутит и использует яркие сравнения. Так, рассказывая о подходе Альтюссера к чтению «Капитала», он замечает: «Это все равно, что совместить Ленина с “новыми критиками”» (р. 219). Если судить по этим лекциям, то Джеймисон был не только выдающимся теоретиком, но и талантливым преподавателем – сочетание, которое встречается не так уж часто.

В предисловии и введении к книге практически ничего не сказано об организации курса. Как можно заключить из текста, к каждому из занятий студенты читали несколько теоретических текстов, которые затем обсуждались на лекции. Это обстоятельство важно учитывать при чтении: перед нами книга, предполагающая хотя бы минимальное знакомство с основными представителями французской теории и их идеями. Пожалуй, лекции было бы логично дополнить списком текстов, прочитанных студентами (комментируя Деррида или Лакана, Джеймисон не всегда уточняет, о какой именно работе идет речь), но по какой-то причине составители решили этого не делать.

2

Считается, что французскую теорию изобрели в американских университетах. До того, как в 1970–1980-е Леви-Стросс, Лакан, Фуко, Барт, Альтюссер, Лиотар, Бодрийяр и Деррида стали широко известны в США, никому не приходило в голову объединить этих столь непохожих (и часто конфликтовавших между собой) мыслителей в одну группу. Поворотным моментом в американской рецепции французской мысли стала конференция «Языки критики и науки о человеке» («The Languages of Criticism and the Sciences of Man»), проведенная в октябре 1966 года в Университете Джона Хопкинса. (Джеймисон в лекции ошибочно датирует конференцию 1967 годом.) В ней среди прочих при-

² Здесь и далее ссылки на конкретные страницы рецензируемой книги даются в скобках в тексте.

³ EAGLETON T. *The Excitement of the Stuff* // London Review of Book. 2024. Vol. 46. № 19 (www.lrb.co.uk/the-paper/v46/n19/terry-eagleton/the-excitement-of-the-stuff).

няли участие Ролан Барт, Жак Деррида, Жак Лакан, Режи Жирар, Люсьен Гольдман и Цветан Тодоров, Роман Якобсон, а Жерар Женетт и Жиль Делёз были приглашены, но не смогли приехать. По итогам конференции был опубликован сборник «Спор о структурализме» («The Structuralist Controversy»), ставший для многих американских академиков окном в мир того, что впоследствии будет названо французской теорией⁴.

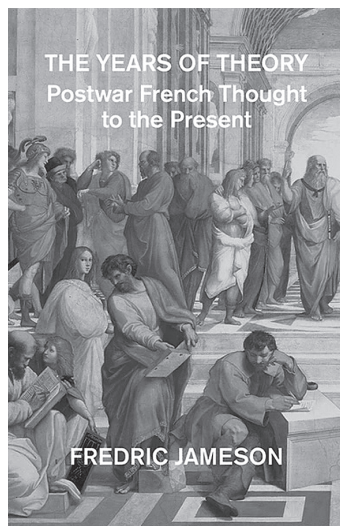
Как отмечает Франсуа Кюссе в книге «Французская теория: как Фуко, Деррида, Делёз трансформировали интеллектуальную жизнь Соединенных Штатов», апроприация американской академией французской мысли стала возможна благодаря деконтекстуализации последней. Иными словами, американские исследователи и теоретики подходили к работам своих французских коллег без учета той интеллектуальной и исторической ситуации, в которой они создавались⁵. Джеймисон в своих лекциях производит обратную операцию контекстуализации, которая принимает двоякую форму. С одной стороны, он обрисовывает тот политический и социально-экономический фон, на котором Фуко, Деррида, Делёз и компания формулировали свои идеи, с другой – погружает студентов в интеллектуальный контекст послевоенной Франции, показывая, что теоретические интервенции часто совершались в спорах с конкретными авторами по конкретным вопросам.

Джеймисон предлагает свою версию истории французской теории. Отправной точкой для него становится 1943 год, когда в оккупированной нацистами Франции вышла книга Сартра «Бытие и ничто». Джеймисон сравнивает это сочинение с упавшим на землю метеоритом и отмечает, что оно не только стало одним из основополагающих текстов экзистенциализма, но и определило контекст теоретических дискуссий на многие десятилетия вперед. Закат теории Джеймисон датирует рубежом 1980–1990-х. Причиной тому, стал как уход из жизни многих ведущих теоретиков (Барт погиб в 1980-м, Фуко скончался в 1984-м, Альтюссер – в 1990-м, Делёз покончил с собой в 1995-м), так и изменение исторической ситуации: распад СССР, кризис марксизма, потеря Францией экономической и культурной автономии после вступления в Европейский союз, проведение неолиберальных реформ⁶.

Джеймисон признает, что кто-то может посчитать такую периодизацию неудовлетворительной. Однако, как он сам показал в эссе «Сингулярная модерность», периодизация всегда пред-

КОНСТАНТИН
МИТРОШЕНКОВ

КАК ЭТО ДЕЛАЛОСЬ
В ПАРИЖЕ...

⁴ MACKSEY R., DONATO E. (Eds.). *The Structuralist Controversy: The Languages of Criticism and the Sciences of Man*. Baltimore; London: The John Hopkins University Press, 1970.

⁵ CUSSET F. *French Theory: How Foucault, Derrida, Deleuze & Co. Transformed the Intellectual Life of the United States*. Minneapolis; London: University of Minnesota Press, 2008. P. 7–8.

⁶ Схожие причины заката теории (впрочем, не только французской) приводит и другой критик-марксист – Терри Иглтон: EAGLETON T. *After Theory*. New York: Basic Books, 2003.

ставляет собой насилие над историческим материалом и не может быть оправдана имманентными свойствами самого этого материала. Проблема в том, что историки не могут обойтись без периодизации, ведь в противном случае на смену придет жанр хроники, представляющий историю как гомогенный процесс, в котором все события-монады равнозначны друг другу. Следовательно, доказывает Джеймисон, к выделению исторических периодов нужно подходить прагматически и оценивать различные версии периодизации с точки зрения той эвристической выгоды, которую они могут предложить⁷. Разумеется, никто из французских интеллектуалов 1950–1980-х не мыслил себя живущим в «эпоху теории». Однако, оглядываясь на этот период из перспективы сегодняшнего дня, мы обнаруживаем сходства между разнородными явлениями, которые не всегда были заметны современникам. Историк, подобно бахтинскому автору, всегда находится вне описываемого им события – отрицать этот факт так же глупо, как и не пользоваться связанными с ним преимуществами⁸.

Предложенная Джеймисоном периодизация позволяет осмыслить французскую теорию как цельное явление, вызванное к жизни не только внутренней динамикой интеллектуальной жизни, но и внешними факторами. Неслучайно, что границы «эпохи теории» очерчены двумя осевыми, как сказал бы Поль Рикёр, событиями: освобождением Парижа союзниками в августе 1944 года и распадом СССР⁹. Джеймисон связывает развитие теории во Франции с уникальной исторической ситуацией страны в XX веке. В предвоенные и военные годы во Франции развернулось противостояние левых и правых сил. Неудачный фашистский переворот 6 февраля 1934 года стал одной из причин победы левого Народного фронта на выборах 1936-го. После поражения лета 1940-го одна часть Франции была оккупирована нацистами, а в другой был установлен коллаборационистский режим Виши; одновременно по всей стране стало набирать обороты движение Сопротивления, активное участие в котором принимали многие французские интеллектуалы. После войны голлистская Франция оказалась

7 JAMESON F. *Singular Modernity: Essay on the Ontology of the Present*. London; New York: Verso, 2002. P. 23–30.

8 «Автор не только видит и знает все, что видит и знает каждый герой в отдельности и все герои вместе, но и больше их, причем он видит и знает нечто такое, что им принципиально недоступно, и в этом всегда определенном и устойчивом избытке видения и знания автора по отношению к каждому герою и находятся во все моменты завершения целого – как героев, так и совместного [...] события их жизни, то есть целого произведения» (Бахтин М.М. *Автор и герой в эстетической деятельности* // Он же. *Собрание сочинений*. Т. 1: *Философская эстетика 1920-х годов*. М.: Русские словари, 2003. С. 95).

9 См. в этой связи размышления Джеймисона о периодизации истории Франции: «Французская история уникальна в том отношении, что она структурирована переломными революционными событиями (в том числе и в XX веке: Народный фронт, освобождение Парижа, май 1968-го), придающими подлинную историчность даже самым непримечательным мирным годам» (JAMESON F. *Antinomies of Realism*. London; New York: Verso, 2013. P. 274).

одной из немногих крупных европейских стран, независимых в политическом отношении как от США, так и от СССР. Зажатые между капитализмом и коммунизмом французские интеллектуалы приступили к поискам «третьего пути». Существование между военно-политическими альянсами (Франция вышла из военных структур НАТО в 1966 году и вернулась в них только в начале XXI века) обеспечивало им относительную автономию, которой не всегда могли похвастаться их западные и особенно восточные коллеги.

КОНСТАНТИН
МИТРОШЕНКОВ

КАК ЭТО ДЕЛАЛОСЬ
В ПАРИЖЕ...

Уникальная особенность Франции заключается в том, что интеллектуальная жизнь страны организована вокруг одного центра – Парижа. Он становится не просто местом интеллектуальных дискуссий, но самым условием их возможности.

Другая уникальная особенность Франции заключается в том, что интеллектуальная жизнь страны организована вокруг одного центра – Парижа, – в то время как в США или Германии таких центров несколько. В создаваемом Джеймисоном нарративе Париж играет особую роль. Он становится не просто местом интеллектуальных дискуссий, но самым условием их возможности. Предельная централизация интеллектуальной жизни приводила к тому, что в стенах одних и тех же университетов, кафе и редакций сталкивались конкурирующие группировки (лаканисты, альтюссерянцы, фуколдианцы и так далее). Большое значение для развития теории имели публичные и университетские семинары, проводившиеся Лаканом, Альтюссером, Делёзом и другими теоретиками, которые также служили точками сборки парижских интеллектуальных сообществ. Несмотря на конкуренцию, а иногда и открытую вражду, эти сообщества не были замкнутыми: многие студенты Альтюссера посещали семинары Лакана, а на семинары литовско-французского лингвиста Альгирдаса Греймаса среди прочих заходили Юлия Кристева и Цветан Тодоров. В одной из глав Джеймисон сравнивает Париж с чашкой Петри и характеризует его как место, «где люди либо беседуют друг с другом, либо спорят друг с другом, где все знают, кто что говорит, и, следовательно, занимают какую-то позицию по отношению к чужим “дискурсам”» (р. 215). Также он как-то заметил, что в романах Бальзака Париж олицетворяет «коллективную тотальность» – схожим образом можно описать роль французской столицы и в его собственном нарративе¹⁰.

¹⁰ Ibid. P. 273–274.

Дополняя Джеймисона, стоит заметить, что во второй половине XX века Париж был не только национальным, но и международным интеллектуальным центром. Даже после Второй мировой войны французская столица продолжала привлекать интеллектуалов со всей Европы – прежде всего из ее восточной и центральной частей. В их числе и некоторые герои книги Джеймисона: литовец Греймас (поступил в Сорбонну в 1944 году), болгары Кристева и Тодоров (переехали в Париж в 1965-м и в 1963-м). Находясь во Франции, они выступали в роли посредников между западными и восточными теоретиками: Греймас опирался на идеи советского фольклориста Владимира Проппа (сыгравшего также важную роль в интеллектуальной биографии Леви-Стросса), а Кристева и Тодоров популяризировали во Франции идеи Михаила Бахтина. К этому нужно добавить влияние, оказанное на французских интеллектуалов немецкой философией, амбассадорами которой часто также оказывались эмигранты – например, бывший подданный Российской империи Александр Кожев, перебравшийся в Париж в конце 1920-х. Несмотря на свою четко выраженную национальную принадлежность, французская теория в определенном смысле является продуктом эмиграции и транснациональных контактов¹¹.

3

Рассказываемая Джеймисоном история поделена на периоды, каждый из которых характеризуется господством той или иной школы. Начинается все с Сартра и экзистенциализма, расцвет которого пришелся на промежуток между освобождением Парижа и началом Корейской войны (1950). В политическом отношении этот период характеризуется, с одной стороны, последствиями Второй мировой войны, а с другой – нарастающим антиколониальным движением в Алжире и Индокитае. Развитие философии экзистенциализма, с ее акцентом на проблеме индивидуальной свободы и выбора, во многом оказывается реакцией на эти исторические вызовы. Симона де Бовуар использует идеи экзистенциализма для анализа положения женщин в обществе, а Франц Фанон, скрещивая экзистенциализм с психоанализом, предлагает свою критику колониализма. Фанон в итоге принимает активное участие в Алжирской революции – таким образом, теоретические размышления оказываются напрямую связаны с политической практикой.

11 На это указывает Галин Тиханов в своем новаторском исследовании литературной теории первой половины XX века: ТИХАНОВ G. *The Birth and Death of Literary Theory: Regimes of Relevance in Russian and Beyond*. Stanford: Stanford University Press, 2019. P. 12–13.

Прежде, чем мы перейдем к следующему этапу в развитии французской мысли, нужно сделать два концептуальных замечания. Любой исторический нарратив не просто фиксирует последовательно сменяющие друг друга явления, но и предлагает объяснение их смены – иногда эксплицитно (в форме собственной теории исторического процесса), а иногда имплицитно (посредством самой организации нарратива). По Джеймисону, за сменой интеллектуальных трендов в послевоенной Франции стоит смена философских проблем. Постановка той или иной проблемы открывает одни пути для исследований, одновременно блокируя другие. Например, акцент на проблеме субъекта позволяет подойти к темам вроде индивидуальной свободы, но не дает возможности исследовать надличностные системы и различные формы коллективности. В какой-то момент проблема исчерпывает свой продуктивный потенциал и превращается в «смирительную рубашку» (р. 11). Тогда на смену ей приходит новая проблема, позволяющая исследовать прежде недоступные темы. Схожим образом Джеймисон подходит к традиционно болезненному для интеллектуальной истории вопросу влияния. В лекции о Сартре он отмечает, что влияние вовсе не означает подражание. Назвать мыслителя влиятельным – значит указать, что он или она открыла для своих читателей прежде недоступные горизонты. Так было в случае с Сартром, который, совмещая философию, литературу и драматургию, предложил новые формы философского письма. Но в какой-то момент эти формы оказались исчерпанными и возникла потребность в мыслителях, бросающих вызов ортодоксии.

На смену экзистенциализму пришел структурализм, развитие которого во многом связано с переоткрытием идей швейцарского лингвиста Фердинанда де Соссюра. Объясняя переход от экзистенциализма к структурализму, Джеймисон обращает внимание на то, что философия Сартра имела среди прочего одно важное ограничение: она не предлагала теории языка и вообще не проблематизировала его как явление. Лингвистика Соссюра дала возможность анализировать язык как систему, структурированную бинарными оппозициями; Клод Леви-Стросс, чье имя стало синонимом структурализма, распространил этот подход на всю сферу культуры. Рассказывая о Леви-Строссе, Джеймисон упоминает о его судьбоносной встрече с Романом Якобсоном в Нью-Йорке, где оба ученых оказались после начала Второй мировой войны. По мнению Джеймисона, именно в этот момент произошло рождение структурализма в современном понимании этого слова. Как мы видим, теория может быть не только реакцией на политическую историю, но и ее продуктом, пусть и побочным.

КОНСТАНТИН
МИТРОШЕНКОВ

КАК ЭТО ДЕЛАЛОСЬ
В ПАРИЖЕ...

Важное отличие структурализма от экзистенциализма заключалось еще и в том, что первый работал не с индивидуальным субъектом, а с надличностными системами, будь то язык, отношения родства или мифы. В 1960-е исследования таких систем было продолжено теоретиками, которые хотя и опирались на структурную лингвистику, но в значительной степени выходили за ее рамки. Речь в первую очередь идет о Лакане и Альтюссере, но также о Фуко, с его археологией знания, и Делёзе, предложившем новый взгляд на философские концепты. Тогда же на первый план вышла проблема власти и контроля, которую по-разному решали Альтюссер, Фуко и антрополог Пьер Кластр, изучавший «безгосударственные общества». В политическом отношении главным событием этого периода стали события мая 1968 года, когда левые радикалы (в основном студенты Сорбонны) в союзе с рабочими бросили вызов режиму де Голля. После первых успехов Коммунистическая партия Франции выступила за прекращение протестов, чем серьезно испортила и без того натянутые отношения между коммунистами и леваками. Примерно тогда же французская теория, еще не носившая такого названия, начала проникать в США. Уже упоминавшаяся конференция в Университете Джона Хопкинса, которая, по задумке организаторов, должна была познакомить американскую аудиторию с достижениями структурализма, в итоге оказалась отправной точкой нового направления, получившего название постструктурализма¹².

Постструктурализм, одним из основополагающих текстов которого стал доклад, прочитанный на той конференции молодым Жаком Деррида¹³, бросил вызов структуре и организующим ее бинарным оппозициям. Постструктуралисты, к которым среди прочих относят Деррида, Фуко и Делёза, видели в структурализме опасное стремление к унификации и тотальности. Последнее понятие в интеллектуальном контексте тех лет было кодовым словом не только для гегелевской философии, но и для тоталитарных политических режимов, в первую очередь сталинского¹⁴. Постструктурализм хотел показать не состоятельность бинарного мышления, а заодно деконструировать сами основания западной философии: понятия репрезентации, идентичности и субъекта.

Как и «французская теория», «постструктурализм» – это термин, внешний по отношению к тому материалу, к которо-

12 CUSSET F. *Op. cit.* P. 31.

13 DERRIDA J. *Structure, Sign, and Play in the Discourse of the Human Sciences* // MACKSEY R., DONATO E. (Eds.). *Op. cit.* P. 247–272; см. также рус. перев.: ДЕРРИДА Ж. *Структура, знак и игра в дискурсе гуманитарных наук* // Он же. *Письмо и различие*. М.: Академический проект, 2000. С. 445–466.

14 На это часто указывал сам Джеймисон, см., например: JAMESON F. *Valences of Dialectic*. London; New York: Verso, 2010. P. 210–214.

му он применяется. Теоретики, которых мы сегодня называем постструктуралистами, сильно различались в своих подходах и нередко враждовали друг с другом (см. критику Бодрийяра в адрес Фуко)¹⁵. В каком-то смысле изобретение этого термина стало результатом простого хронологического совпадения: одновременно открыв для себя Деррида, Фуко и Делёза, американские исследователи и теоретики поспешили объединить их в одну группу¹⁶. Тем не менее Джеймисон не спешит отказываться от термина «постструктурализм». Несмотря на внешний и даже случайный характер, он позволяет уловить важное изменение во французской мысли, произошедшее в конце 1960-х и связанное с осознанием ограничений структурализма. Как и всегда в вопросах периодизации, на первый план для Джеймисона выходит практическая ценность того или иного хронологического понятия.

КОНСТАНТИН
МИТРОШЕНКОВ

КАК ЭТО ДЕЛАЛОСЬ
В ПАРИЖЕ...

Эпоха постмодерна, по Джеймисону, характеризуется } потерей веры в возможность подлинно новых свершений как в области теории, так и в политике, искусстве и общественной жизни. }

Постструктурализм тесно связан с постмодерном – еще одним часто оспариваемым термином. Лиотар, характеризуя «состояние постмодерна», указал на кризис «больших нарративов» вроде гуманизма и прогресса, в то время как Бодрийяр предложил использовать термины «симуляция» и «симулякр» для описания культурной ситуации, в которой означающее производит означаемое. Сам Джеймисон в эссе о культурной логике позднего капитализма среди основных черт постмодерна выделял утрату чувства истории, господство пастиша и «ностальгический модус рецепции»¹⁷. Именно в период постмодерна, отмечает Джеймисон в одной из лекций, и начался постепенный закат теории. Несмотря на то, что французскую теорию часто ассоциируют с постмодерном, Джеймисон характеризует многих знаковых ее представителей (например Делёза и Лиотара) как модернистов, постоянно ищущих нового и переизобретающих теоретические инструменты. Эпоха же постмодерна, по Джеймисону, характеризуется затуханием этого импульса и потерей веры в возможность подлинно новых свершений как в области теории, так и в политике, искусстве и общественной жизни.

15 Бодрийяр Ж. *Забывать Фуко*. М.: Владимир Даль, 2000.

16 Нельзя не отметить параллели с рецепцией французской теории в России в 1990-е.

17 Джеймисон Ф. *Культурная логика позднего капитализма* // Он же. *Постмодернизм, или Культурная логика позднего капитализма*. М.: Издательство Института Гайдара, 2019. С. 83–172.

В этот же период начинается кризис левых идей, в диалоге и продуктивной полемике с которыми формулировали свои позиции многие французские теоретики. Кризис в первую очередь был связан с масштабными геополитическими потрясениями конца XX века: падением коммунистических режимов в странах Центральной и Восточной Европы и распадом СССР. В самой Франции еще в 1981 году к власти пришел социалист Франсуа Миттеран, чей неудачный эксперимент по построению социал-демократии Джеймисон считает еще одной причиной разочарования французов в левых идеях. Французская интеллектуальная жизнь этого периода отмечена тем, что Джеймисон называет «демарксификацией» – постепенным отходом французских интеллектуалов не только от коммунизма (в этом важную роль сыграло поведение Компартии Франции во время протестов 1968 года и обнародование информации о советских концлагерях), но и от марксистской теории. Примером демарксификации может служить интеллектуальная биография Жана Бодрийяра (ученика философа-марксиста Анри Лефевра), который пришел к немыслимой для ортодоксальных марксистов идее о полной потере референта и, следовательно, абсурдности самого понятия «реального мира».

Теория восставала против породившей ее философии, атаковала метафизику и, в отличие от философии, осознавала сконструированность используемого ею языка.

Период расцвета французской теории, по мнению Джеймисона, характеризуется размытием границ между различными академическими дисциплинами. Подходы, разработанные в рамках структурной лингвистики, мигрировали в антропологию и литературоведение (Леви-Стросс, Греймас, Барт); психоаналитические категории применялись для анализа идеологии и литературы (Альтюссер, Кристева); философы бросали вызов традиционным подходам к историописанию (Фуко). Наконец, появлялись новые междисциплинарные области (семиотика и нарратология), игнорировавшие устоявшуюся структуру академического поля. «Теория, – пишет Джеймисон, – всегда представляла собой бунт против дисциплин» (р. 261). Отчасти это было связано с тем, что большинство теоретиков имели солидный философский бэкграунд, а философия исторически выступала поставщиком метаязыка для гуманитарных и социальных наук. Однако, замечает Джеймисон, теория также восставала против породившей ее философии, атаковала метафизику и, в отличие от философии, осознавала сконструированность ис-

пользуемого ею языка. Джеймисон характеризует теорию как «попытку заниматься тем же, чем когда-то занималась философия в ситуации, в которой философия уже не представляется возможной» (р. 367). Как бы то ни было, с закатом теории произошел возврат к прежним академическим дисциплинам. Исследователи не отказались от идей Леви-Стросса, Альтюссера и Фуко, но стали применять их в строго ограниченных областях, будь то эстетика, история или политология.

КОНСТАНТИН
МИТРОШЕНКОВ

КАК ЭТО ДЕЛАЛОСЬ
В ПАРИЖЕ...

4

Такова в общих чертах история французской теории в изложении Джеймисона. Нетрудно заметить, что у этой истории есть два измерения: история различных теоретических направлений и история появления на свет того, что Галин Тиханов в своей недавней книге обозначил как Теорию с большой буквы¹⁸. В определенный (хотя и трудно локализуемый) момент во второй половине XX века разнообразные направления континентальной – и прежде всего французской – мысли перестают восприниматься как отдельные *теории* и превращаются в *Теорию как таковую*. Лекции Джеймисона демонстрируют, что это превращение имело для западной интеллектуальной истории не меньшее значение, чем изобретение Истории как собирательного числительного единственного числа (*collective singular*), описанное Рейнхардтом Козеллеком¹⁹.

Пожалуй, из всех современных авторов Джеймисон находился в наиболее выгодном положении, чтобы написать эту двойную историю. Его диссертация, защищенная в Йельском университете под руководством Эриха Ауэрбаха, была посвящена Сартру²⁰. Опубликованная в 1972 книга «Тюрьма языка: критический очерк структурализма и русского формализма» стала для многих англоязычных исследователей введением во французский структурализм²¹. В своих наиболее известных работах, прежде всего в книге «Политическое бессознательное: нарратив как социально-символический акт», Джеймисон активно использовал идеи Леви-Стросса, Альтюссера, Лакана и других французских теоретиков, адаптируя их для нужд марксистско-

18 ТИХАНОВ Г. *Op. cit.* Р. 6. Примечательно, что Тиханов, ограничивающийся историей литературной теории, так же датирует ее «смерть» рубежом 1980–1990-х.

19 Козеллек обсуждает этот вопрос в целом ряде работ, см., например: KOSELLECK R. *On the Meaning and Absurdity of History* // ИДЕМ. *Sediments of Time: On Possible Histories*. Stanford: Stanford University Press, 2018. Р. 177–196.

20 JAMESON F. *Sartre: The Origins of Style*. New Haven: Yale University Press, 1961.

21 ИДЕМ. *The Prison-House of Language: A Critical Account of Structuralism and Russian Formalism*. Princeton: Princeton University Press, 1972. О Джеймисоне и американской рецепции французского структурализма см.: CUSSET F. *Op. cit.* Р. 32.

го анализа культуры²². Наконец, в 1987 году он написал предисловие к английскому переводу избранных работ Греймаса – одного из ведущих французских структуралистов²³. Вместе с тем, будучи англоязычным автором и представителем американской академии, Джеймисон сохранял дистанцию со своими французскими коллегами, которая позволяла ему подмечать не всегда очевидные сходства между различными теориями и критически оценивать их потенциал. Как заметил Вальтер Беньямин в эссе о сюрреализме, большие интеллектуальные движения удобнее наблюдать со стороны, а не из гущи событий²⁴.

В заключение стоит сказать несколько слов о тех выводах, которые мы можем сделать из предложенного Джеймисоном нарратива. Провозглашая конец эпохи французской теории, Джеймисон вовсе не имеет в виду, что работы Сартра, Фуко, Лакана или Деррида потеряли актуальность. Сам факт, что он посвятил им отдельный курс, свидетельствует об обратном. Теперь, когда смелые теоретические инновации и споры стали достоянием прошлого, мы можем рассмотреть этот период как целое и контекстуализировать его, обращая внимание на сложные взаимоотношения между рядом интеллектуального производства и смежными ему рядами – политическим, культурным, социальным и так далее²⁵. Контекстуализация позволяет выявить условия, сделавшие возможным расцвет теории во Франции второй половины XX века. Одновременно исторический экскурс помогает лучше понять нашу собственную ситуацию, в которой, несмотря на сохраняющийся интерес к теории, уже невозможно производство теоретических высказываний в том виде, в каком оно происходило шестьдесят лет назад. Как ни парадоксально, такой исследовательский ход может оказаться лучшим противоядием от ностальгии по ушедшим временам «великих теоретиков». Осознание, что эпоха теории позади – это первый шаг к выработке новых форм политической, социальной и культурной рефлексии, адекватных изменившейся исторической ситуации.

22 В частности, именно у Леви-Стросса Джеймисон заимствовал ключевую для его теории идею о том, что в пространстве художественного произведения происходит воображаемое разрешение реальных социальных противоречий: JAMESON F. *The Political Unconscious: Narrative as Social Symbolic Act*. Ithaca: Cornell University Press, 1981. P. 79.

23 ИДЕМ. *Foreword* // GREIMAS A.J. *On Meaning: Selected Writings in Semiotic Theory*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1987. P. vi–xxii.

24 «Немецкий наблюдатель [сюрреализма] не находится у источника. В этом – его шанс. Он на равнине. Он может оценить энергетическую мощь движения» (Беньямин В. *Сюрреализм: последняя моментальная фотография европейской интеллигенции* // Новое литературное обозрение. 2004. № 4 (<https://magazines.gorky.media/nlo/2004/4/surrealism.html>)).

25 Понятие ряда я заимствую из работ русских формалистов, чьи опыты в области истории литературы имеют некоторое сходство с подходом Джеймисона к французской интеллектуальной истории: Тынянов Ю.Н., Якобсон Р.О. *Проблемы изучения литературы и языка* // Тынянов Ю.Н. *Поэтика. История литературы. Кино*. М.: Наука, 1977. С. 282–283.